

Сергей А. Танцура

Остров быка

Сергей Танцура

Остров быка

«Издательские решения»

Танцура С. А.

Остров быка / С. А. Танцура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747572-7

Исторический роман. Экипаж египетского корабля находит детей, спасшихся из захваченной эллинами Трои, и доставляет их на о. Крит, где они становятся очевидцами гибели древней минойской цивилизации.

ISBN 978-5-44-747572-7

© Танцура С. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Остров быка

Сергей А. Танцура

© Сергей А. Танцура, 2016

© Сергей Александрович Танцура, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Горе тебе, крепкостенная Троя! Горе!

Горят твои дома и белокаменные дворцы – краса и гордость Фимбрийской равнины, залиты кровью твои улицы и агоры, и бесчинствуют захватчики в твоих сокровищницах и укромых, хозяевами ступая на порог и требуя своей добычи. Некому обуздать их, некому урезонить! Пали твои доблестные сыны – Гектор, Парис, Антенор, Пандар, Адраст. Спят они вечным сном на холме Ватиея, до времени ушедшие в темное царство Аида, и не слышат мольбы и плача тех, кого любили больше жизни своей и кого клялись защищать до последней капли крови. Но и враги твои, долгих десять лет осаждавшие твои неприступные стены, понесли невосполнимые потери. Патрокл, Ахиллес, Аякс, Протесилай, Антилох, Эвриал, Махаон, Селевк, Ликомед – все они легли в землю Трояды, навек примирившись со своими противниками. Однако в сердцах живых не осталось уже места для мира, только жажда мести пылала в них неугасимым, всепожирающим огнем. И теперь они творили кровавый суд, суд жестокий и несправедливый, не отличая невинных от виноватых. Весь город стал заложником этой мести, и не видно было ей конца.

Горе тебе, крепкостенная Троя! Горе!..

– Мама!

Взвился, пронзив рев пламени и грохот рушащихся домов, детский крик – и стих, перейдя в кровавое клокотание. Лишь секунда потребовалась педзетайру, чтобы воткнуть в живот бросившемуся на него мальчишке свой бронзовый меч, похожий на длинный рыжий лист.

– Нет! – раненым зверем взвыла растрепанная, простоволосая женщина в сбившемся пеплосе и рванулась к неподвижному тельцу, чтобы обнять его, прижать к своей груди и, пусть запоздало, но защитить от уже случившегося. Но ахеец не дал ей такой возможности. Он схватил ее – обезумевшую от горя, не осознающую, что происходит с нею самою, – за косу и швырнул на мостовую, навалившись всем весом сверху. Торопливо сорвал с нее одежду, рывком раздвинул ее судорожно сжатые колени и, подняв край своей туники, резко вошел в нее, рыча в пароксизме наслаждения. Он двигался деловито, мерно, словно выполняя ставшую привычной работу, пока, наконец, заключительная судорога не сотрясла его тело – и, на шарив рукой свой меч, брошенный неподалеку, педзетайр лениво, как-то совершенно буднично омыл отточенной бронзой горло своей жертвы, обрывая ее страдания – и физические, и душевные. Утерев обрызганное кровью лицо, воин поднялся и, чуть пошатываясь, отправился дальше – туда, где резня и разбой были еще в самом разгаре, где слышались хохот победителей и плач побежденных...

...педзетайр омыл отточенной бронзой горло своей жертвы...

...Из-за кучи какого-то хлама, сваленной у стены дома с безжалостно выбитыми дверями, осторожно высунулась всклокоченная голова и горячечно блестящими глазами осмотрела опустевшую улицу.

– Ушел, – оглянувшись, шепотом доложила голова и исчезла, чтобы через секунду появиться вновь – вместе со своим владельцем, худеньким пареньком лет двенадцати в зияющем прожженными дырами хитоне и с перепачканным сажей лицом. Вслед за ним из-за кучи вылезли еще двое детей, мальчик и девочка, оба – младше первого лет на шесть. Увидев труп женщины, бесстыдно распластанный на земле, девочка невольно вскрикнула и спрятала лицо на груди своего спутника, поразительно похожего на нее, словно они являлись отражением друг друга.

– Тихо! – сквозь стиснутые зубы рыкнул на нее старший мальчик. – Или ты хочешь, чтобы они сделали с тобой то же, что и с ней?

Он резко кивнул на обнаженное тело, под которым уже успела набраться изрядная лужа крови. Девочка вздрогнула и замотала головой с такой поспешностью, что казалось: еще чуть-чуть – и она у нее просто оторвется.

– Н-нет, – промямлила девочка, едва сдерживая рвущиеся из груди рыдания.

– Тогда молчи, что бы ты ни увидела, и делай то, что скажу я. Хорошо?

– Хорошо, Хорив, – кивнула девочка, все еще не отрывая лица от груди своего брата. Хорив перевел взгляд на него.

– Это касается и тебя, Вингнир. А теперь идите за мной. На цыпочках.

Они двигались по безлюдным темным закоулкам, подобные безмолвным серым теням, сумевшим сбежать из Тартара, ускользнув от неусыпного взора трехглавого Кербера. Один раз они едва не столкнулись с пьяными ахейцами, бродившими по улицам Трои в поисках очередных жертв, но успели проскочить в чей-то мегарон, теперь пустынный, как кенотаф, ждущий своего владельца. Им повезло: захватчики, горланя какую-то неприличную песню, прошли мимо, и беглецы, переведя дух, отправились дальше. Наконец, пройдя позади диптера, посвященного Гермесу – богу торговли (об остальных ипостасях лукавого божества в Трое предпочитали не вспоминать), они вышли на центральную агору.

Посреди площади все еще стоял забытый захватчиками деревянный «конь» – огромная осадная башня, действительно напоминавшая лошадь своим поднятым наклонно вверх и обшитым деревянными панелями переходом, по которому атакующие могли беспрепятственно проникать на стены осажденного города, не опасаясь стрел защитников. Хорив вспомнил, как все радовались, закатывая эту проклятую башню в город, и его отец подбросил его в воздух от полноты чувств и закричал, что они теперь свободны. Мама, украдкой утиравшая слезы счастья, смеялась, глядя на это, и была такой красивой, какой Хорив ее никогда до этого не видел. И в этом ликовании, охватившем всю Троию, никто не услышал предупреждений жреца Лаокоона, тщетно пытавшегося докричаться до благоразумия троянцев. Благоразумие в тот момент спало беспробудным сном, уступив место совсем другим чувствам, и угрозы Лаокоона бесследно канули в этом омуте, не вызвав даже ряби сомнения. Никого не насторожила даже смерть жреца, задушенного под шумок вместе с сыновьями, что оказавшийся поблизости Эней – наемник, прибывший в Троию со своими людьми незадолго до осады откуда-то из-за Понта Эвксинского, – поспешил объяснить мстью неверному самой Афины. И ему поверили, поскольку хотели поверить, и никто не подумал повнимательнее рассмотреть следы на шеех умерщвленных, больше похожие на отпечатки веревок, чем змеиных тел.

Лаокоон умер, но его предупреждение осталось. «Бойтесь данайцев, дары приносящих...» Страшный смысл, скрывавшийся в этих словах жреца, Хорив, а с ним и вся Троя, осознал тем же вечером, когда ахейцы ворвались в город через кем-то открытые ворота, подобно хтоническим мстителям уничтожая все на своем пути. Эфиокл – старый раб, служивший их семье уже двадцать пять лет, – говорил Хориву, что они прятались внутри «коня», но мальчик знал, что это не так. Он сам в тот день поднимался на самый верх этой осадной башни и мог убедиться, что внутри нее не было ни единой живой души. Так что ворота открыл кто-то, кто уже был в городе. Кто-то, кого все троянцы – и караульные у ворот – считали своим. И если бы

Хорив знал, кто был этим человеком, он вцепился бы ему в горло зубами за все то, что он пережил в результате этого предательства.

Отец Хорива, протоспатор местного ополчения, погиб на пороге собственного дома, успев отправить в царство Аида четверых захватчиков. Его мать, с замиранием сердца следившая за этим боем из дверей гинекея, бросилась на убийцу своего мужа – и упала, пронзенная мечом обозленного гибелью товарищей ахейца. От того, чтобы последовать ее примеру, Хорива удержал Эфиокл. Он буквально скрутил подростка, отволоч его в дальнюю кладовую и не отпускал до тех пор, пока все не закончилось. В течение часа бьющийся в истерике, захлебывающийся слезами Хорив слушал пронзительные крики рабынь и издевательский хохот врагов, и по истечении этого срока слезы высохли на его глазах, превратившись в холодную, расчетливую ненависть. В эту ночь он стал взрослым.

...Воспоминания яростным огнем вспыхнули в сердце мальчика, чуть не словив его своей почти что физической болью. Предательский комок поднялся в его горле, сбив дыхание и едва не отворив дорогу безудержным, лишаящим силы и воли слезам. Однако времени для плача сейчас просто не было, за его спиной стояли, не сводя с него испуганных глаз, Вингнир и Фарика, и Хорив сдержался, загнав рыдания так глубоко, как только смог. Он, двенадцатилетний мальчик, был для этих малышей их единственной надеждой на спасение, и потому не мог позволить себе проявления каких-либо чувств, кроме уверенности. Уверенности, которой сам он не испытывал и в помине.

Отвернувшись от проклятой башни, Хорив судорожно вздохнул, успокаиваясь, и еще раз внимательно оглядел лежащую перед ним агору. Интересовавший его путь к воротам оказался куда проще, чем он предполагал. Захватчики, увлеченные грабежами и насилием, не озаботились тем, чтобы выставить стражу, и ворота стояли распахнутыми настежь, никем не охраняемые. Вокруг не было видно ни одной живой души, лишь трупы караульных, убитых в самом начале штурма, сломанными игрушками валялись у стены, распространяя в горячем, наполненном дымом воздухе кислотовато-сладкий запах крови и тления. Победители даже не потрудились снять с них доспехи, прельщенные куда более богатой добычей, и Хорив с внезапным гневом подумал, что этим караульным выпала несравненная – и совершенно незаслуженная – удача, обошедшая стороной остальных троянцев.

– Быстро! – шепотом скомандовал он следовавшим за ним по пятам близнецам. Отделившись от стереобата диптера, на ступенях которого они организовали свой наблюдательный пункт, дети бесшумно пробежали разделявшее их расстояние до ворот и проскользнули между открытыми створками на покатый, мощеный каменными плитами сход, достаточно широкий, чтобы на нем могли разехаться две квадриги. Перед ними открылась Фимбрийская равнина – мертвая, вытопанная, разоренная. В отдалении нес свои желтые, протухшие от крови воды Скомальт, выдававший себя тихим плеском да смутными бликами от яркого зарева пожаров. За ним темнел – черное на черном – могильный курган Ахилла, на котором всего несколько часов назад, на закате, приняла лютую смерть Поликсена, младшая дочь Приама, и ее кровь еще не успела впитаться в землю, пятная ее ярким пурпуром. Но в ночной мгле видеть это могли лишь боги, однако они не рисковали более появляться здесь после отпора, которым их встретили ахейцы. Одна лишь светлоокая Эос как прежде всходила каждое утро на небосвод, озаряя его своим жемчужным сиянием. Но до того момента, как она расправит свои нежные крылья над этим уголком Ойкумены, оставалось еще несколько часов, и, никем не замеченные, дети устремились прочь от обреченного города, все еще пригибаясь из осторожности, но уже не ощущая того гнетущего страха, что все это время мрачным облаком висел над их головами.

Когда они отделились от стен Трои на достаточное расстояние, чтобы не быть услышанными с них, Вингнир, крепко державший за руку свою сестру, спросил:

– Куда мы теперь?

– В Этолию, – отозвался Хорив, сам размышлявший над этим вопросом.

– Но... это же далеко! – поразился Вингнир, сбившись с размеренного шага и едва не упав. – Мой папа говорил...

– Здесь нет твоего папы! – зло перебил его Хорив, резко остановившись. Его глаза вспыхнули яростным пламенем, когда он повернулся к испуганному малышу и, наклонившись, буквально прошипел ему прямо в лицо:

– Мы пойдем в Этолию, даже если бы она была на другом краю света. И ты пойдешь со мной – или вернешься туда, – Хорив с остервенением ткнул пальцем в сторону стен Трои, – и попробуешь найти своего папу. Ну, так что ты выбираешь?

– В Эт... толию, – запинаясь, промямлил малыш и заплакал от страха и жгучей, незаслуженной обиды. Фарика, не выпускавшая руки брата, спряталась за его спину и еле слышно заскулила, как голодный щенок. Глядя на рыдающих, сжавшихся в комок под его пылающим взглядом детей, Хорив почувствовал непереносимый стыд за свою вспышку и заставил взять себя в руки. Он кричал на них, пытаясь заглушить собственный страх, но от этого ему стало только хуже. Перед его внутренним взором, словно освещенная прорвавшимся из-за туч солнцем, возникла картина разграбленного, охваченного жарким пламенем дома, принадлежавшего педелю Адрасту, преподававшему в палестре философию и основы геометрии. Хорив знал его как спокойного, рассудительного и в высшей степени миролюбивого человека, никогда не злоупотреблявшего своим правом наказывать нерадивых учеников. Но в этот день даже он, забыв о своем неприятии оружия, встал на защиту своей семьи. Несмотря на трагичность ситуации, Хорив едва не рассмеялся, увидев в руке мертвого Адраста бронзовый кинжалчик, которым учитель обычно затачивал свое стило. Эта игрушка, похоже, даже не задержала захватчиков: кто-то из них просто отрубил педелю голову, сделав это походя, как мальчишки иногда на бегу сбивают соцветия чертополоха. Уходя, эллины подожгли дом, и теперь яркий огонь, весело потрескивая, вырывался из распахнутой двери мегарона прямо на улицу и жадно лизал тело мертвого хозяина дома, распространяя в воздухе запах хорошо прожаренного мяса.

– Идемте отсюда, господин, – поторопил остановившегося Хорива старый Эфиокл, бросив по сторонам загнанный взгляд. И в этот момент сквозь треск пламени до них донесся детский плач, сопровождаемый надсадным кашлем. Хорив широко раскрытыми глазами уставился в огненную круговерть, не веря своим ушам.

– Там кто-то есть, – выдохнул он, ткнув пальцем в сторону дома. Он вспомнил, что у Адраста было двое детей-близнецов, и их имена возникли в его сознании подобно двум метеорам, внезапно пронзившим ночные небеса.

– Там Фарика и Вингнир!

– Забудьте о них, господин! – взмолился Эфиокл, каждое мгновение со страхом ожидавший появления ахейского патруля.

– Но они же сгорят заживо, если мы не вытащим их оттуда! – потрясенно воскликнул Хорив.

– А кто вытащит оттуда нас? – рассудительно возразил ему Эфиокл. – Вы же видите, господин: пламя такое, что я даже не могу подойти к двери, не то что войти в нее.

Действительно, даже стоя в нескольких шагах от дома, Хорив ощущал несущийся от него нестерпимый жар, от которого волосы на его голове уже начали трещать и завиваться, готовые вот-вот вспыхнуть. Тем не менее Хорив упрямо топнул ногой, и в его глазах старый раб заметил выражение, какое он видел во взгляде его отца, протоспатора Борейя, да и то лишь на поле боя.

– В гинекее есть другой вход, – настойчиво произнес мальчик, и стало ясно, что этот спор он уступать не намерен. – Возможно, огонь туда еще не добрался.

– Ну, ладно, – вздохнул, признавая свое поражение, Эфиокл. – Я посмотрю...

Они успели в последний момент. Комната, в которой прятались дети, была полна дыма, и пламя уже лизало ее порог. Перепрыгнув через растерзанный труп их матери, тихой и скромной при жизни Ксеоны, Эфиокл метнулся к малышам и буквально за шкирки вытащил их из

за перевернутой лежанки. Хорив, прятая лицо в хитон от ядовитого дыма, разъедавшего его легкие, принял детей из рук раба – и в этот миг плавающая потолочная балка, не выдержавшая собственной тяжести, с оглушительным треском рухнула вниз, со всего размаха ударила Эфиокла по спине. Сноп искр взметнулся перед лицом ошеломленного Хорива, заставив его отступить, и сейчас же на том месте, где только что стоял старик, разверзся огненный ад. Пронзительный вопль раба плетью хлестнул по натянутым нервам Хорива и тут же оборвался, сменившись ровным гудением набравшего силу пламени. Хорив так и не вспомнил, как ему самому удалось выбраться из разрушенного дома. Однако детей он все-таки не бросил, вынес их из пылавших руин, ставших могилой верному Эфиоклу. В чувство его привела боль от ожогов – в некоторых местах искры прожгли в его хитоне весьма внушительные дыры, – да необходимость принимать решения, от которых зависела их жизнь. И эта ответственность, после гибели старого раба свалившаяся на его хрупкие плечи, давила сейчас на него тысячекоэсным гнетом, ощутимо пригибая к земле и выматывая куда сильнее, чем реальная, физическая усталость...

Хорив провел ладонью по лицу, тряхнул головой, отгоняя внезапную слабость, и уже более мирным тоном произнес:

– Вот и правильно. Только не отставайте, а то еще потеряетесь...

Он повернулся и размашисто зашагал вперед. Вингнир и Фарика переглянулись и поспешили за ним, тихо всхлипывая и прижимаясь друг к другу в поисках поддержки. Они родились уже во время Войны, и улицы Трои были для них единственным известным миром. То, что находилось за стенами города, пугало их своею неизвестностью и напоминало им страшные сказки о Тартаре, куда безвозвратно уходили души умерших. Впрочем, то, что они оставили позади, было еще хуже Тартара, и дети крепились, шагая в неведомое.

Хорив, решительно топавший перед ними, испытывал нечто похожее. До начала осады он был слишком мал, чтобы помнить поездки за пределы города, однако он предпочел бы скорее умереть, чем признаться бы в недавней его неуверенности. Поэтому, назвав Этолию в качестве цели их путешествия, он выбрал дорогу, ведущую, как он считал, в нужном направлении и постарался выкинуть из головы все сомнения на этот счет. А между тем каждый их шаг вводил их от вожденной Этолии все дальше и дальше. Но Хорив ничего этого не знал и продолжал идти вперед с упорством, родившимся от брака его молодости с его же невежеством.

Этот путь сквозь ночь, озаренную трепетным светом пожара, запомнился им надолго. Время от времени до них из темноты доносился звук, который мог быть только хрустом разгрызаемых костей: ночные хищники собирали свою кровавую жатву, пожирая щедро устиланных землю Фимбрии мертвецов. И на этот пир собирались не одни лишь волки. В неверном отсвете охватившего уже чуть ли не половину Трои огня Хорив с ужасом различил двуногую тень оргиях в десяти от них, увлеченно рвавшую зубами и когтями чей-то труп, и без того уже изуродованный до неузнаваемости. Облик неведомого существа постоянно видоизменялся, текучий, как вода, а иногда оно и вовсе делалось полупрозрачным, почти исчезая из глаз. Словно зачарованный, следил Хорив за этими превращениями, не в силах двинуться с места. Почувствовав это, тварь резко выпрямилась, став похожей на уродливого человека, и обратила в их сторону горящие хищным желтым огнем глаза. «Эмпуса», – вихрем пронеслось в сознании охваченного ледяным ужасом Хорива. Ставшими вдруг непослушными губами он тихо забормотал все ругательства, какие только смог вспомнить, и это, как ни странно, подействовало. Тварь вздрогнула, словно ее окатили кипятком, и, разочарованно взыв, метнулась прочь, мгновенно растаяв в ночи. Хорив, не слишком веривший в то, что брань способна отпугнуть нечисть и нежить, только моргнул, удивленный столь эффективным результатом.

...тварь выпрямилась, став похожей на уродливого человека...

Вингнир и Фарика ничего не заметили. Это был слишком длинный день, и они буквально валились с ног, с трудом заставляя себя двигаться дальше. Единственным, что еще не давало им упасть, был их страх, но и он с каждой минутой становился все слабее, растворяясь в густеющей пелене усталости.

– Нельзя спать! – осознав, что с ними происходит, воскликнул Хорив и в отчаянии оглянулся. Лучезарная Эос еще не поднялась со своего восточного ложа, и один лишь Аргус взирал сейчас с темного, затянутого дымом пожарищ неба на разоренную землю своими больными, воспаленными глазами-звездами, сочившимися мутным, словно гной, светом. Но даже его было вполне достаточно, чтобы Хорив понял: с наступлением утра на этой пустынной равнине не заметить их сумеет только слепой. И тогда за их жизнь никто не даст и ломанного халка.

– Нам нужно уходить отсюда, – настойчиво произнес Хорив и, взяв детей за плечи, резко встряхнул их. – Слышите? Если мы к утру не уберемся от Трои как можно дальше, мы погибнем.

– Зато выспимся, наконец, – безразлично ответил Вингнир, с видимым усилием разлепив отяжелевшие веки.

– Ну, еще немного, – взмолился Хорив, едва не плача от собственного бессилия. Если бы он был уверен, что это подействует, он сейчас встал бы перед детьми на колени и поцеловал бы их постолы. Все, что угодно, лишь бы только они послушались его.

– Пожалуйста.

– Хорошо, – медленно, как сомнамбула, отозвалась Фарика. – Но только немного.

Вздых облегчения, исторгнутый Хоривом, был слышен, наверное, по другую сторону Гелеспонта. Дети нехотя тронулись дальше, еле переставляя ноги и спотыкаясь на каждом шагу. Хорив ежеминутно подталкивал их в спину, ощущая себя Сизифом, обреченным на изнурительный и бессмысленный труд. Однако, как бы ни было их продвижение мучительно замедленным, они все же уходили прочь от преданной огню и мечу агонизирующей Трои. А это сейчас было самым главным.

Местность вокруг них постепенно менялась. Все чаще встречались крохотные рощицы, перемежавшиеся глубокими, с обрывистыми краями оврагами, на дне которых весело журчали многочисленные ручьи. У одного из них Хорив на минуту остановился, чтобы умыться и утолить жажду. Теплая, мутноватая вода немного освежила их, вернув каплю бодрости и сил. Выбравшись из оврага, они вновь побрели на запад, пошатываясь под мягким, но необоримым грузом усталости, давившим на них все сильнее и сильнее. Наконец Фарика не выдержала и, вызываясь поднимая вверх подбородок, с расстановкой произнесла:

– Я – больше – не – могу.

Хорив остановился. Вокруг ничего не напоминало о войне, от которой они сбежали, только далеко позади, из-за поросших редким лесом холмов подымалось слабое зарево, смешиваясь с сероватым светом зари, в котором поблекли и уже начали таять звезды.

– Что ж, – сказал он и поразился, каким глухим и невыразительным стал его голос, – я думаю, мы можем остановиться там.

Он вяло махнул рукой в сторону неглубокой балки, полностью скрывавшейся за густыми зарослями шелюга. Дети были так измотаны, что ничем не выразили своей радости, молча направившись в указанном направлении. Забравшись в прохладное нутро оврага, подальше от посторонних глаз, брат и сестра ничком повалились на землю и тут же заснули, свернувшись калачиком и крепко обнявшись, словно боялись, что кто-нибудь разлучит их во сне. Протяжно вздохнув, Хорив расположился рядом с ними, заложив руки за голову и с наслаждением вдыхая свежий и немного терпкий аромат альфы, чьи высокие мягкие стебли он примял своей спиной. Его веки слипались, но все пережитое накануне не давало ему расслабиться, и он некоторое время следил за мерным колытанием гибких ветвей у себя над головой, тихонько шептавшихся о чем-то, недоступном простым смертным. На какой-то миг ему показалось, что он различил в их переплетении невероятно, невозможно прекрасное девичье лицо, взглянувшее на него сверху вниз и лукаво улыбнувшееся ему. Но видение тут же исчезло, оставив после себя лишь еле слышный отзвук, похожий на далекий чистый смех. Хорив моргнул, удивленный –

и не смог уже снова открыть глаза. Невесомая волна подхватила его тело, вздыбила на мгновение – и закружила в своих мягких объятьях, нежно покачивая его из стороны в сторону. Это было так невыразимо приятно, что Хорив улыбнулся в ответ – и уснул, ни о чем больше не беспокоясь. А над землей многострадальной Троады медленно, но верно разгорался новый день...

Глава 2

Хорив открыл глаза и некоторое время лежал, пытаясь сообразить, что его разбудило. Тишина и истома, разлитые в воздухе, дали ему ясно понять, что уже далеко за полдень. Сквозь густую листву шелога, за которой совершенно скрывалось небо, лился приглушенный свет, наполнявший овраг туманным опалесцирующим сиянием, создавая впечатление пронизанного солнцем моря на мелководье. Казалось, взмахни руками – и ты поплывешь в этом рассеянном неземном свете, стремительный и грациозный, как дельфин. Но махать руками Хориву сейчас хотелось меньше всего. Ощущая переполнявшие его душу покой и умиротворение, он лишь лениво потянулся, расправляя затекшее за ночь тело, и с радостью убедился, что долгий сон полностью восстановил его силы. Только пустой желудок немного омрачал общую радужную картину, но Хорив с оптимизмом, свойственным юности, подумал, что с этой проблемой он справится без труда.

Подтянув колени к подбородку, Хорив одним упругим прыжком встал на ноги, едва не рассмеявшись от легкости, с какой ему это удалось. И замер, насторожившись.

Голоса.

Где-то совсем близко раздались голоса, и их тон, грубый и полный неприкрытой угрозы, мгновенно разрушил хрупкое очарование этого места. Только сейчас Хорив заметил отсутствие Вингнира и Фарики, и предчувствие нависшей над ними опасности ледяной рукой стиснуло его сердце. Помянув всех богов, он зло плюнул, но тут же взял себя в руки. И напряженно прислушался, даже затаив дыхание, чтобы не пропустить ни слова.

– Хо, Геонт! – словно дальний гром, разнесся над балкой чей-то гулкий бас. – Взгляни, какая славная малышка!

– Не трогай ее! – пронзительно вскричал Вингнир, и сейчас же до Хорива долетел звук тяжелой оплеухи.

– А ты не лезь, – лениво сказал тот, кто звал Геонта. – До тебя очередь еще не дошла.

– Что тут у тебя, Лихий? – вмешался новый голос, похоже, того самого Геонта.

– Пара недорослей, решивших погулять по нашему лесу.

– Да ты счастливчик, Лихий. Сдается мне, если тебя бросить в выгребную яму, ты и оттуда вылезешь с пазухой, полной талантов.

Громкий гогот был ответом на эту незамысловатую шутку. «Четверо», – прикинул Хорив, вслушиваясь в раскаты этого смеха. Пригнувшись, он медленно двинулся к месту событий, следя, куда ставить ногу, чтобы треском сухих веток, густо устилавших дно оврага, не выдать своего присутствия. Увлеченный этим занятием, он пропустил несколько фраз из разговора, однако следующие слова все же достигли его сознания, заставив его вздрогнуть и побледнеть.

– Эй, Беонф! Как думаешь, сколько нам за них заплатит Креонт?

– Достаточно, чтобы пару недель тебя обслуживала лучшая во всей Мисии гетера.

– Точно, – бухнул чей-то другой голос, странно глухой, словно у говорившего была повреждена гортань. – А не Креонт, так за таких смазливых Полион или Алех точно не поскупят, так что в накладе не останемся.

– Устроить торги? – задумчиво произнес Геонт. – А это мысль! Молодец, Фокий, это тебе зачтется.

– Ты, Геонт, вместо денег разреши мне лучше самому их попробовать. Чтобы, так сказать, знать, что продаем.

– Фокий, твоего отца случайно не Приапом звали? – рассмеялся Лихий. – Ты же только утром...

– Так то ж с дриадой, – небрежно фыркнул Фокий. – А с ней все равно, что с поленом: лежит, как неживая, только зенки в небо тарашит. Ну, Геонт, жалко тебе, что ли?

– А, делай, что хочешь. Только помни: товар нам нужен живой.

– О чем речь, Геонт! Ты же меня знаешь!

– Знаю. Потому и предупреждаю.

– Хорошо, я буду о-очень осторожен, обещаю. Особенно, если ты, малышка, будешь о-очень послушна. А ты ведь будешь, верно?

Эти слова оказались последней каплей. Ярость, неведомая ему доселе, захлестнула Хорива черной, жгучей волной. Даже когда на его глазах погибли его родители, Хорив не испытывал такого гнева, как сейчас. И этот гнев буквально вздернул его за шкурку и бросил из-под защиты шелюга вперед, прямо на расплывшиеся в наглых, похотливых ухмылках рожи.

– Ого, да тут еще один! – протянул ражий детина с сажеными плечами, сидевший на корточках перед перепуганной Фарикой, и Хорив узнал голос Фокия. Услышав это восклицание, к Хориву повернулись и остальные трое, один из которых держал за плечи Вингнира, чье лицо было залито слезами и кровью, хлещущей из разбитого носа.

Хорив сразу понял, кто перед ним, хотя никогда раньше не сталкивался с подобными людьми. Однако его отец достаточно рассказывал о том, что творилось в окрестностях Трои до начала войны, чтобы Хорив мог ошибиться. Это были лапифы – разбойники, промышлявшие грабежами на дорогах Эолиды, Фригии и Мисии и частенько совершавшие набеги на восточное побережье Эллады, хозяйничая там от Алкидии до самой Арголиды. Одна лишь Фракия была избавлена от их назойливого присутствия благодаря своим гипотоксотам – вооруженным луками конникам, которых сами фракийцы называли кентаврами. Лапифы занимались своим ремеслом с незапамятных времен, передавая его традиции от отца к сыну, и целые племена их жили одним лишь разбоем, не мысля себе ничего иного. За поколения у них выработался определенный стиль, тяготеющий к лесным засадам, отчего, собственно, они и получили свое имя – древолюди. Лапифы были истинными мастерами маскировки, раскрашивая свои лица грязью и соком трав и вплетая в одежду и волосы зеленые ветви. Так что в густом кустарнике они становились совершенно невидимы, сливаясь с фоном, и возникали перед ошеломленными путниками как будто из ниоткуда, не встречая практически никакого сопротивления.

Хорив сглотнул. Он знал, что против этих людей, привыкших к оружию, как к своему собственному продолжению, и пускавших его в ход не задумываясь, у него нет ни единого шанса. Но несмотря на это он и не подумал отступить, сбежать от грозившей ему сейчас опасности, а, напротив, сделал еще один шаг вперед, подальше от спасительного шелюга, что так зазывно шелестел за его спиной. Страх, обыкновенный человеческий страх за свою жизнь смешался в душе Хорива с клокотавшей внутри нее злобой, и эта гремучая смесь стала подобием греческого огня, в любой момент готового вспыхнуть и испепелить все, что посмело бы окзаться на его пути.

– Уходите, – омертвевшими вдруг губами произнес Хорив, глядя на разбойников тяжелым, сумрачным взглядом, на самом дне которого едва заметно тлел, постепенно набирая силу, огонек смертоносного безумия.

– Уходите, и я ничего вам не сделаю.

– Ты слышал, Лихий? – намеренно растягивая слова, спросил Геонт, небрежно опиравшийся на массивный энкос, воткнувший тупым концом в землю. – Нам угрожают.

– Слышал, – кивнул другой лапиф, одетый в густо перевитую плющом пегую абаю из козлиной шерсти и вооруженный хищно изогнутой, словно изготовившаяся к броске змея, махайрой. Кровожадно ощерившись, он презрительно сплюнул, и его ладонь легла на рукоять меча, любовно огладив ее от крестовины до наверхия.

– Ну, зачем так, Лихий? – явно развлекаясь, покачал головой третий – гигант даже побольше Фокия, без всякого напряжения державший на плече тяжеленный гердан – двуручную палицу, увенчанную огромным шипастым шаром. – С детьми так нельзя.

– А как можно? – приняв его игру, поинтересовался Лихий, опуская руку.

– А вот так!

Сняв с плеча гердан и поставив его на землю, Беонф улыбнулся – его белые крупные зубы как луч солнца сверкнули на его размалеванном зелеными и коричневыми полосами лице – и неожиданно скакнул вперед, к Хориву, стремительный и гибкий, как охотящийся ирбис. Однако Хорива там уже не оказалось. Тело само вспомнило все увертки и движения, с восьми лет вколачиваемые в него неумолимыми наставниками на многочасовых занятиях по агонистике в палестре, и среагировало мгновенно, как отлично отлаженный механизм. Беонф еще только взмывал в воздух, а Хорив уже ушел в перекат навстречу ему и, пропустив лапифа над собой, быстро встал на ноги, от всей души пнув не ожидавшего такого Лихия в пах. Издав изумленный звук, разбойник сложился пополам, скуля и извиваясь от резкой, унижительной боли. А Хорив уже скользнул дальше, к раскрывшему рот Геонту, и, развернувшись, нанес сокрушительный удар ребром стопы по его колену. Выпустив копье, лапиф нелепо взмахнул руками, словно пытался ухватиться за воздух, и с хряском грохнулся на землю, как подрубленный ливийский кедр.

– Хорив, сзади! – закричал Вингнир, как зачарованный наблюдавший за этим боем. Хорив оглянулся – и кубарем покатился по траве, получив хлесткий, безжалостный удар по зубам.

...Хорив покатился по траве, получив удар по зубам...

– Ты ошибся, Беонф, – холодно произнес Фокий своим хриплым, скрежещущим голосом. – С ним нужно так, и только так.

И шагнул вперед, на ходу вытаскивая из-за спины черный лаброс, пустивший веселых солнечных зайчиков обоими остро отточенными лезвиями.

Перед глазами Хорива плыло, а рот был полон горячей и соленой крови, но он понял, что если он сейчас не встанет, то его просто зарежут, как свинью. Собрав переполнявшие его боль и слабость в кулак, он постарался задвинуть их как можно дальше, забыть о них хотя бы на несколько минут – и, едва не закричав от напряжения, поднялся, шатаясь и дрожа всем телом. Лапиф был уже совсем рядом. Сквозь застилавшую его взор пелену Хорив посмотрел на него – и не увидел в ответном взгляде ничего, кроме ненависти и жажды мести. И тогда в его душе что-то сдвинулось – и лопнуло с оглушительным, громоподобным треском. В нем как будто что-то умерло в этот момент, что-то очень и очень важное, и эту потерю невозможно было вот так, сразу, оценить и осознать. Однако взамен этого в сердце Хорива возникло нечто совсем иное, ледящее и пронзительное, что было острее направленной на него бронзы и прочнее железа. В сотню крат. Хорив снова взглянул в глаза занесшему над ним лаброс лапифу, и тот на мгновение запнулся, ощутив вдруг смутный, необъяснимый страх и неуверенность перед этим мальчишкой. А Хорив спокойно, как лишенная чувств и эмоций машина, шагнул ему навстречу – и принял его в свои объятия, как давно потерянного брата.

Уже опуская свою критскую секиру, Фокий понял, что промахнулся, быть может, первый раз в своей жизни. И резко выдохнул, когда неожиданно твердый, словно из камня, локоть мальчишки вонзился ему точно в солнечное сплетение. Сгибаясь в невольном поклоне, лапиф еще успел ощутить, как правая рука Хорива неумолимым кольцом охватила его шею, заставляя вскинуть всклокоченную бороду прямо в небо, а левая ладонь мальчика легла на его затылок. Мир на секунду застыл в расширившихся глазах разбойника, с пронзительной отчетливостью отразивших мельчайшие детали окружающего пейзажа и бездонную синь неба над ним с черной точкой парившего в самом зените коршуна. А затем Хорив крутнулся, припадая на колени, ноги Фокия взбрыкнули, отрываясь от земли, и в наступившей вдруг абсолютной, звенящей тишине все явственно услышали слабый хруст, какой бывает, когда ломается сухая ветка.

Этому Хорива в палестре не учили. Однако протоспатор городского ополчения Борей не мог допустить, чтобы его сына воинскому мастерству обучали пусть и не самые худшие, но все же посторонние люди. И он гонял Хорива до изнеможения на заднем дворе их дома, заставляя его по сто раз на дню повторять одни и те же движения. И столько же раз Борей требовал от сына, чтобы тот никогда не применял эти приемы к своим друзьям, да и к другим людям тоже, если только они не будут угрожать его жизни. Теперь Хорив понимал, почему.

Осознание только что содеянного медленно проникало в разгоряченный схваткой мозг Хорива. Тяжело дыша, он неверяще уставился на распростертое перед ним тело с неестественно вывернутой шеей, и почувствовал внезапный озноб, словно на него вдруг подул ветер с горных ледников. Запоздалый ужас объял его душу и тугим узлом скрутил его внутренности, и Хорив отшатнулся прочь от мертвого Фокия, сотрясаемый жестокими судорогами. Его вырвало, хотя желудок был пуст со вчерашнего дня, и кислый запах желчи, хлынувшей у него изо рта, разнесся по поляне, мгновенно пропитав собой весь находившийся здесь воздух.

– Ах ты, ублюдок! – проревел над ним чей-то голос, и твердый носок крепиды вонзился ему в бок, оторвав Хорива от земли и швырнув в сторону, закручивая, как выпущенный из пращи камень. Новый приступ рвоты скрутил мальчика еще в полете, и на землю он свалился, перепачканный ею с головы до ног, ничего не видя вокруг от застилавших его глаза слез.

– Фокий был моим братом! – все более распаляясь, рявкнул тот же голос, и второй удар вздернул мальчика в воздух, послав его еще дальше. Теперь Хорив упал плашмя, как лягушка, даже не пытаясь сгруппироваться, и громко вскрикнул от пронзившей его бок острой боли: на этот раз бьющему, похоже, удалось сломать ему несколько ребер. Но останавливаться на этом он явно не собирался, и Хорив съежился в ожидании очередного пинка, который вполне мог оказаться для него последним.

Однако его мучителю хотелось большего. Обессиленный, теряющий сознание Хорив ощутил, как чья-то могучая рука стиснула мертвой хваткой ворот его хитона и легко, будто

перышко, подняла мальчика в воздух. Задохнувшись от новой волны боли, яростным огнем опалившей все его безжалостно избитое тело, Хорив открыл глаза и совсем близко увидел перекошенное в дикой злобе лицо Беонфа, почему-то смотревшего на него снизу вверх.

Встряхнув мальчика, как тряпичную куклу, лапиф яростно прошипел, брызгая слюной:

– Я бы мог свернуть тебе шею, как ты сделал это с моим братом, но это было бы слишком легко для тебя. Я убью тебя медленно, по капле выдавлю из тебя твою поганую жизнь, чтобы ты до конца прочувствовал, как она покидает тебя.

Хорив лишь вяло дернулся в его руке – и третья порция рвоты выплеснулась прямо в лицо опешившему разбойнику. Дико взревев, Беонф бросил Хорива на землю, но тут же вновь поднял его – и зажал его горло в железный замок, мгновенно перекрыв ему доступ воздуха и кровоток. Последний проблеск сознания заставил Хорива вцепиться в руку лапифа, перевитую твердыми, словно отлитыми из бронзы, мускулами, но с таким же успехом он мог бы попытаться разжать сдвинутые челюсти Симплегад. Все завертелось перед глазами Хорива в неистовом, безумном коловороте, и он натужно захрипел, будто хотел спародировать напоследок мертвого Фокия. И обмяк, когда черная, беспросветная тьма неудержимым потоком хлынула в его разум, сметая все на своем пути...

...Длинная, с черным оперением стрела с хрустом вонзилась Беонфу в затылок и, пробив нёбо, вышла у него изо рта. Распахнув глаза в искреннем изумлении, лапиф страшно, навзрыд всхлипнул и, разжав руки, мешком повалился на землю, захлебываясь кровью. Ноги Хорива, ничем больше не удерживаемого, подогнулись, но еще прежде, чем он успел сесть рядом с убитым Беонфом, что-то коротко свистнуло над самым его ухом – и Геонт, успевший подняться и с волчьей усмешкой наблюдавший за казнью Хорива, крутнулся на месте и рухнул лицом вниз, скребя по земле ногами, словно пытался уползти от оперенной смерти, уже торчавшей у него под лопаткой. Лихий, что-то сообразив, сломя голову кинулся прочь, бросив даже свою махайру, но тут же упал со стрелой в поясице, дико визжа от нестерпимой боли, скрутившей его в бараний рог.

Хорив не шевелился, недоуменно глядя на развернувшуюся вокруг него бойню. В захвате лапифа, едва не раздавившем его горло, он уже простился с жизнью, и теперь никак не мог поверить в свое спасение. Даже Фарики и Вингнир, с плачем повисшие у него на шее, не смогли вывести его из этого ступора, и он сидел отстраненный, словно дух, напившийся воды забвения из Леты.

Однако постепенно это состояние все же проходило, и когда у него за спиной раздались чьи-то неспешные, уверенные шаги, Хорив нашел в себе силы оглянуться. К нему медленно приближался, с интересом осматривая место боя, высокий бронзовокожий мужчина, небрежно сжимавший в левой руке огромный, в рост человека, грозно изогнутый лук, всем своим видом говоривший о таившейся в нем колоссальной мощи. Впрочем, Хорив уже имел случай наглядно убедиться в этом: три тела, пронзенные едва ли не навывлет, лежали так близко от него, что забыть о них не представлялось никакой возможности.

Но личность их неожиданного спасителя занимала Хорива сейчас куда больше, чем его оружие. Одет этот появившийся так вовремя незнакомец был в грубое льняное схенти, едва достававшее ему до колен и удерживаемое на бедрах потертым сыромятным ремнем, украшенным давно не чищенными бронзовыми фалерами, и эмбаты – боевые сапоги на толстой, подбитой гвоздями подошве, с массивным и низким каблуком. Его щеки и подбородок покрывала неряшливая многодневная щетина, далекая, однако, от общепринятой бороды, а на голове чуть кривовато сидел грязный, потерявший всякую форму парик из овечьей шерсти, делавший его похожим на полудиких собак, что на лесистых склонах Иды сопровождали стада овец, принадлежащие почти столь же полудиким фригийцам. Однако было заметно, что лишь страшная нужда вынудила этого человека столь небрежно относиться к своей внешности, и еще совсем недавно он выглядел иначе, служа истинным образцом аккуратности и порядка.

Троя была торговым городом, расположенным на перекрестке множества морских и сухопутных путей, и на ее улицах можно было встретить людей самых различных кровей и племен, от заносчивых ахейцев, считавших всех остальных никчемными варварами, до настоящих варваров – тавров с побережья Понта Эвксинского, пересекавших его и Пропонтиду на убогих долбленках – моносилах, которые и кораблями-то назвать можно было только в насмешку. И Хориву не потребовалось много времени, чтобы определить, что перед ним роме: один из тех сынов, которыми славится Кемет – великая держава по ту сторону Моря Средь Земель.

Проходя мимо Фокия, лучник на секунду задержался, глядя на сломанную шею лапифа, и покачал головой в невольном восхищении. Приблизившись затем к Хориву, он сел перед ним на корточки и, явив в лучезарной улыбке свои белоснежные, как у ребенка, зубы, с сильным акцентом произнес:

– Я – Камес, сын Нармера. Я видел, что тут было, и счел за благо вмешаться.

– Это было весьма кстати, – с чувством выдохнул Хорив, расплываясь в ответной улыбке. Камес кивнул в сторону Фокия.

– Ты хорошо дерешься, совсем как Ирсу... леопард. Из тебя выйдет отличный неферу.

Взгляд Камеса, направленный на Хорива, на краткий миг из доброжелательного стал задумчиво-оценивающим, словно в голове роме возникла вдруг какая-то идея. Однако Хорив этого уже не видел. Уловив какое-то движение позади себя, он резко обернулся – и вздрогнул, увидев еще пятерых роме, окруживших их со всех сторон. Они появились совершенно бесшумно, как будто были не людьми, а подданными Гекаты, и теперь также тихо стояли на краю поляны, неподвижные, словно статуи. Лишь один из них – чернокожий гигант с могучими рельефными мускулами, которым позавидовал бы и Геракл, – подошел поближе и, склонившись над Лихием, с бесстрастным лицом осмотрел его. Разбойник, про которого Хорив успел уже позабыть, больше не кричал, а только тихо скулил, как жестоко избитая собака. Неопределенно хмыкнув, роме поглядел на Камеса и что-то спросил у него на незнакомом Хориву гортанном языке, состоявшем, казалось, из одних согласных. Не переставая улыбаться, Камес лишь махнул рукой – и воин молниеносным движением, говорившим о многолетней практике, выхватил из-за пояса широкий листовидный кинжал и перерезал лапифу горло, обрывая его мучения.

Вингнир судорожно сглотнул, словно что-то перекрыло вдруг ему воздух, а Фарика уткнулась лицом в плечо Хорива, стремясь стать как можно меньше и незаметнее. Ощувтив колотившую ее дрожь, Хорив с трудом поднял ставшую удивительно тяжелой руку, едва не закричав от боли в сломанных ребрах, и ободряюще потрепал ее по голове. Однако он и сам уже не слишком-то доверял этим странным пришельцам, и теперь следил за ними со все возрастающей тревогой.

– А что делать с этими? – спросил на своем языке чернокожий воин, ткнув в сторону детей окровавленным кинжалом. Камес безразлично пожал плечами и встал, о чем-то размышляя. Наконец он сказал, решившись:

– Возьмем их с собой.

– Зачем, во имя Себека? – искренне изумился воин. Камес вздохнул.

– Вольно или невольно, но мы спасли им жизнь, и теперь, быть может, они сумеют спасти жизнь нам. Или ты думаешь, что Великий Дом – жизнь, здоровье, сила! – будет счастлив, узнав о гибели своего первого полемарха и всего своего флота? Конечно, дети не лучшая замена всего этого, но это шанс, Герех. Единственный шанс.

– Хочешь предложить их жрецам, наварх? – догадался воин.

– Именно, – коротко кивнул Камес. – Так что грузите их в повозку, только свяжи мальчишку, если не хочешь, чтобы он и тебе сломал шею.

– Пусть попробует, – усмехнулся гигант. – Узнает, какая шея у Гереха.

И, перешагнув через Лихия, он двинулся к притихшим детям, на ходу разминая плечи, словно готовился к борцовскому поединку.

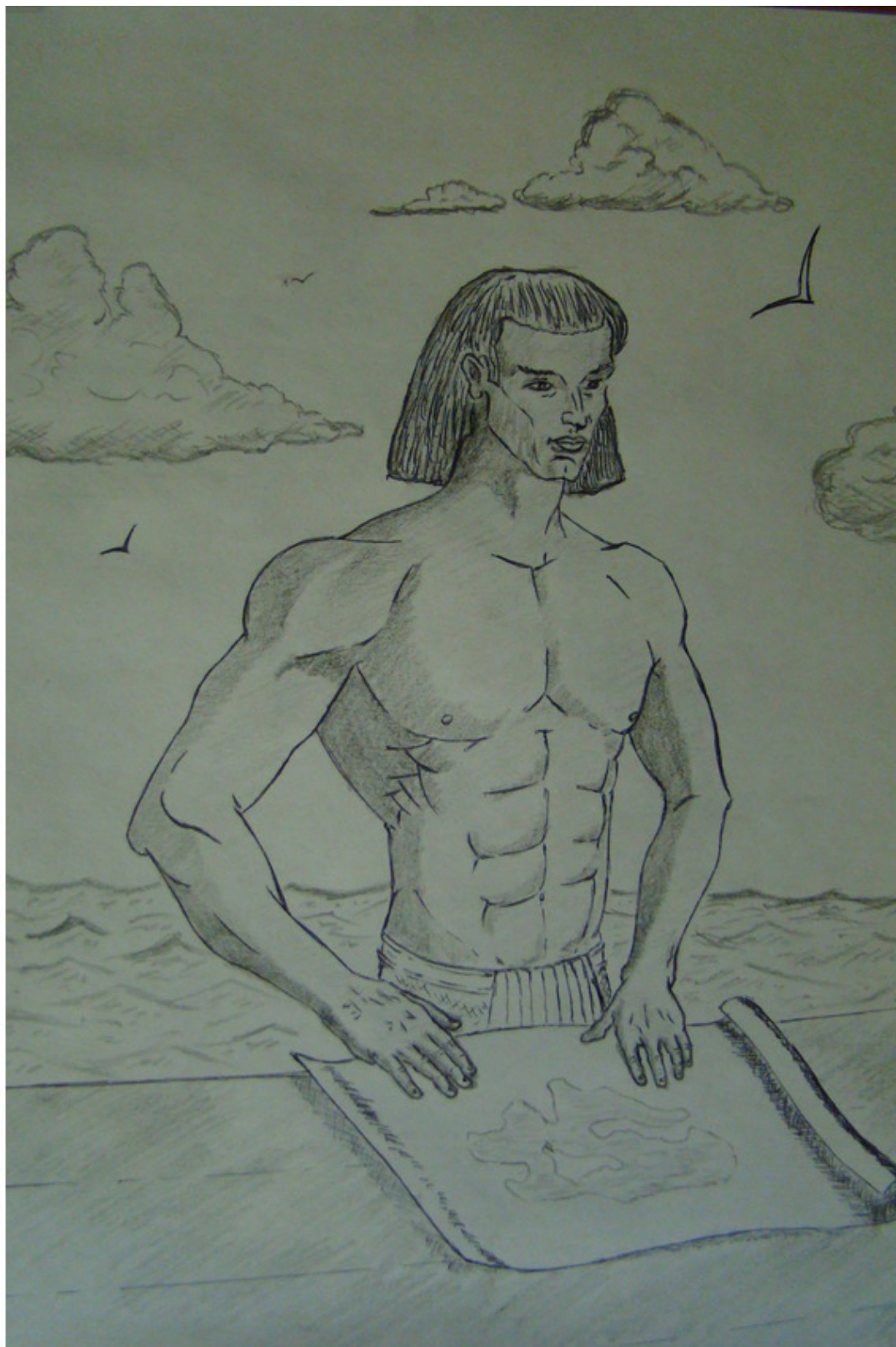
Хорив, как ни старался, не понял ни слова, но тон этого разговора заставил его насторожиться. И когда роме шагнул к нему, мальчик напрягся, хотя это было единственным, что он сумел сделать. Его избитое тело, буквально измочаленное разъяренным Беонфом, совершенно не реагировало на приказы мозга, и только глаза его продолжали смотреть, живя своей, отдельной от остального организма жизнью. Будто зачарованный, следил он за тем, как подымается для удара обутая в тяжелый эмбат нога Гереха, и даже не шелохнулся, когда она, завершив размах, пнула его, наконец, с сокрушительной силой прямо в лицо. На миг Хориву показалось, что на него обрушилось само небо, ломая его кости своей непомерной тяжестью, и его голова взорвалась в грохоте и пламени, разбросав осколки на оргии вокруг. Он еще успел услышать испуганный крик Фарики, но это не вызвало в нем уже никаких эмоций, словно удар роме вышиб из него не только дух, но и все человеческие чувства. И милосердное беспамятство приняло его в свои мягкие, но такие необоримые объятия...

Глава 3

Плеск волн, рассекаемых мощным носовым тараном триаконтеры, навевал покой и умиротворение. Свежий ветер упруго надувал желтый прямоугольный парус над головой, протянувшийся через весь корабль от роestra до кормы, и красное Око Ра в его центре взирало на раскинувшееся перед ним Миртойское море решительно и надменно, как и полагалось великому божеству. Весла за ненадобностью были втянуты внутрь, давая гребцам долгожданный отдых, и сюринкс келевста не нарушал разлитой в горячем, пропитанном солью и йодом воздухе дремотной тишины.

Перегнувшись через низкий борт, Хорив с ленивым интересом следил за дельфинами, резвившимися в такой близости от корабля, что поднятые ими брызги сияющими россыпями окатывали мальчика, заставляя его жмуриться от удовольствия. В нескольких шагах от него Вингнир и Фарика изводили своими бесконечными вопросами главного кормчего Немти – угрюмого кряжистого роме, чьи широкие ладони были покрыты жесткими мозолями от постоянного трения о кормило. Немти отвечал нехотя и односложно, а чаще и вовсе не открывал рта, предпочитая переждать этот словесный водопад молча, но Хорив давно уже заметил, что внимание детей доставляет старику искреннее удовольствие, хотя он и не спешил демонстрировать это. Дети тоже чуяли это – и буквально льнули к этому хмурому и вечно чем-то недовольному человеку, которого чурались и откровенно побаивались все остальные члены экипажа, включая даже Камеса.

Вспомнив о навархе, Хорив оставил свои наблюдения за дельфинами и перевел взгляд на нос триаконтеры, где Камес что-то напряженно высчитывал, стремительно перебрасывая разноцветные бусины абака по натянутым на его раме проволочкам и поминутно заглядывая в разложенный перед ним перипл. Временами Камес морщился, явно недовольный полученным результатом, и, встряхнув абак, возвращал его бусины в исходное положение и принимался считать все заново. В такие моменты его рука непроизвольно ныряла под парик – почесать бритую макушку, отчего тот окончательно сбился ему на затылок, держась там только чудом, а губы наварха раздраженно кривились, беззвучно проговаривая самые страшные проклятья, известные ему.

...Камес что-то высчитывал, заглядывая в перипл...

Хорив вздохнул. Он не признавался в этом самому себе, но личность Камеса интересовала его все больше и больше, и прежде всего из-за той таинственности, которая его окружала. Наварх словно бы не замечал своих пленников, безразличный ко всему, что не касалось проблем навигации. Хорив не раз уже пытался заговорить с ним, чтобы выяснить его планы

насчет их будущего, но Камес всегда проходил мимо, словно мальчика попросту не существовало. И все попытки Хорива изменить такое положение вещей разбивались о непрошибаемый апломб наварха, словно волны прибоя о неприступный каменный утес.

Зато с остальными моряками у Хорива и его подопечных сложились вполне теплые, даже дружеские отношения. Этому немало помогло их увлечение кеметийским языком, что было совсем не капризом, а насущной необходимостью: большинство роме совершенно не понимало койна, и любой вопрос или просьба оборачивались настоящей пыткой для обеих сторон. Однако и здесь Хорива ожидало разочарование. Близнецы воспринимали новый для них язык куда быстрее и легче него, и особенно продвинулся в этом Вингнир, чему способствовало его близкое знакомство с Немти. Фарики, не забывая встречи с лапифами, все еще не доверяла морякам и старалась держаться от них подальше, но и она уже вполне бегло могла выражать свои мысли на щелкающем языке Кемета, хотя и вызывала еще улыбки у слушателей своим смешным, немного картавым произношением. Хориву же все еще приходилось делать усилие, чтобы вынудить свои связки воспроизвести грубые гортанные звуки этого варварского для его слуха наречия. Но время сглаживало любые шероховатости, и с каждым днем, проведенным мальчиком на триаконтере, таких усилий от него требовалось все меньше и меньше.

Время... Еще семь дней назад Хорив и представить себе не мог, что станет общаться и шутить с этими людьми, столь внезапно вошедшими в его жизнь, и это будет ему нравиться. Впрочем, тогда он не надеялся даже на то, что его вообще оставят в живых, а не бросят в придорожной канаве с перерезанным, как у Лихия, горлом. И в тот момент у него были все основания думать именно так, а не иначе...

... – За что? – спросил Хорив у высившегося над ним Гереха, похожего на выточенную из эбенового дерева неприступную башню. И Герех, сверкнув белозубой улыбкой, ответил:

– Ты должен был узнать, что я сильнее тебя и в любой момент могу сделать с тобой все, что пожелаю. И теперь ты это знаешь.

Хорив промолчал, лишь тронул языком шатающийся зуб, незаметно поморщившись. Теперь он действительно знал это.

Продолжая улыбаться, Герех одним движением своего кинжала разрезал веревки, связывавшие Хорива, и встал, широко расставив ноги и подбоченясь. Мальчик попытался последовать его примеру, но затекшие от долгой неподвижности мышцы отозвались такой резкой болью, что Хорив только охнул и счел за благо остаться на палубе. Тем не менее он задрал вверх голову и, жмурясь от бьющего прямо в глаза солнца, вызывающе спросил:

– А если я убегу?

– Беги, – просто ответил роме и сделал широкий жест, охвативший окружающее их до самого горизонта море. И как бы между прочим добавил: – А я погляжу, как ты справишься с этим с двумя детьми на руках.

Хорив оглянулся на удаляющийся берег родной Трояды, потом перевел взгляд на прильнувших друг к другу Вингнира и Фарику, сидевших чуть позади него и внимательно прислушивавшихся к их разговору, и вздохнул. Возможно, в одиночку он и попробовал бы сделать это, но с детьми подобная затея действительно была обыкновенным самоубийством. И кеметийская триаконтера, красная, как кровь, без всяких происшествий продолжала набирать ход, все дальше уходя от мыса Лект, успевшего уже подернуться голубовато-призрачной дымкой.

...Это был последний корабль, оставшийся от считавшейся непобедимой флотилии, посланной из Кемета на помощь к осажденным троянцам. Вел эту армаду Мемносе, полемарх корпуса Ра, младший приемный сын пер-оа – Великого Дома, Владыки Двух Царств, Государя-Бога Мернептаха Мериамона. И пяти лет не прошло, как Мемносе разгромил осмелившихся посягнуть на Черную Землю турша – этрусков, карийцев, ахейян, ликийцев, тирренцев и шардана, отправив восемь с половиной тысяч из них в Сехет Иалу собирать небесный камыш,

а девять тысяч взяв в плен, превратив их в «живых убитых». Поэтому никто из роме, шедших под его рукой, не сомневался в победе. Они шли в бой, как на праздник, веселые и хмельные от ощущения собственной неуязвимости, словно они всем скопом искупались в жгучих водах черного Стикса, уподобившись Ахиллу. Однако боги – а вернее ахейцы, сумевшие обратить в бегство даже богов – решили по-своему. И решение это было не в пользу сынов Та-Кемета.

Потрясенный до самой глубины своего Ба, Камес остановившимся взглядом следил за тем, как на его глазах гибнет цвет и гордость кеметийского войска. Под внезапным, бешеным натиском ахейских стратиотов, только что, казалось, повергнутых в прах и растоптанных тяжелыми эмбатами, смешались и опрокинулись стройные шеренги горделивых роме, потеряв всякий порядок и думая лишь об одном: оторваться, убежать прочь от этих одержимых безумцев, которых не сумела остановить даже смерть. Бросая щиты и оружие, топча лики своих богов, «неуязвимые» кеметийские воины – неферу устремились обратно к кораблям, даже не помышляя о сопротивлении. А ахейцы, вознесясь на плечах своих бегущих врагов, словно демоны Дуата обрушились на флот Кемета, и за их спинами ехидно скалил клыки Хентиментиу, песоголовый бог мертвых, в предвкушении обильной жертвы.

Сам Камес успел отчалить в последний момент. Уходя прочь от берега, наварх ни разу не оглянулся, глядя прямо перед собой лихорадочно блестящими глазами, в которых плескалась затопившая их смертная тоска. Однако это не могло заглушить проклятий, посылаемых ему вдогонку брошенными неферу. Они бежали за уходящей триаконтерой, пока вода не достигла их подбородков. Но и тогда некоторые из них еще пытались плыть следом в отчаянной надежде, что моряки сжалятся над ними и подымут их на борт. Один лишь Мемносе не участвовал в этой гонке. Остановившись на берегу, за два шага до линии прибоя, он молча следил за отдаляющимся кораблем, и в его взгляде читалась одна лишь безграничная, всеподавляющая усталость. И когда за его спиной раздались яростные крики наступающих ахейцев, полемарх только вздохнул – и повернулся к ним лицом, с гордостью обреченного шагнув им навстречу...

... – Опять спишь на работе?! – заставив Хорива вздрогнуть, рыкнул незаметно подошедший Герех. Едва не сверзившись за борт, Хорив поспешно оглянулся.

– Никак нет! – вытянувшись перед гигантом-нумидийцем в струнку, отчеканил он и, окатив гневным взором дружно прыснувших близнецов, быстро закончил: – Ваше задание – вычерпать из трюма воду – мною уже выполнено. Желаете проверить?

Даже не оборачиваясь, Хорив почувствовал десятки заинтересованных взглядов, направленных в их сторону. Почувствовал их и Герех, однако геквет триаконтеры наварха не подал и вида, что что-нибудь заметил, сосредоточив все свое внимание на мальчишке, сиявшем, как золотой талант, и прилагавшем огромные усилия, чтобы не расплыться в радостной ухмылке.

За неделю, проведенную Хоривом на борту триаконтеры, это стало их обычной игрой: нумидиец выдумывал для него различные поручения, а Хорив – способы от них отвертеться. Вся команда была уже в курсе этого поединка и азартно делала ставки, разделившись примерно поровну. Однако Хорив медленно, но верно побеждал, и моряков, сочувствовавших своему геквету, с каждым днем становилось все меньше. Поначалу это заставляло Хорива заметно нервничать: ему вовсе не хотелось настраивать против себя этого чернокожего гиганта. Но, узнав Гереха поближе, мальчик успокоился. Несмотря на свою необузданную первобытную силу и соответствующую ей пугающую внешность, внушающую невольный трепет, нумидиец обладал жизнерадостной и абсолютно незлобивой натурой, и все победы Хорива над ним воспринимал с удовольствием, искренне гордясь успехами своего воспитанника.

Вот и теперь Герех грозно нахмурился, но в его глазах уже всюю полыхал огонек веселья. Но это видел один лишь Хорив, остальная же команда просто замерла, со страхом ожидая, что же сейчас будет. Все давно уже знали о ненависти, питаемой Герехом к крысам и гранича-

щей с откровенным ужасом, что было весьма странным для человека, способного в одиночку выйти против небольшой армии – и, вполне возможно, победить. Однако Герех – уроженец Ахагарского нагорья и истинный сын народа, ведущего свою родословную от легендарного Атланта, – сумел пресечь все насмешки на этот счет, и сделал он это столь эффективно, что самые отчаянные смельчаки прикусили свои не в меру длинные языки. И команда теперь молча ждала его реакции на слова Хорива, прекрасно понимая, что Герех ни за какие сокровища в мире не полезет в темный и сырой трюм, где кишели единственные существа, способные его испугать по эту сторону врат Дуата. Это был очевидный выигрыш Хорива, но, памятуя о судьбе тех, кто раньше посмел смеяться над страхом нумидийца, моряки не спешили выражать восхищение сообразительностью мальчика.

Герех тоже прекрасно отдавал себе отчет в этом, и теперь лихорадочно искал достойный выход из сложившегося положения. Внезапно его взгляд упал на мокрое кожаное ведро, которым Хорив должен был вычерпывать воду из трюма, и лицо геквета просветлело.

– А это что? – взревел он, тыча в ведро толстым корявым пальцем, похожим на корень сикоморы. – Кто позволил устраивать бардак на палубе? Немедленно убрать! И чтоб через полчаса палуба блестела! Вся, ясно?

– Ничья, – долетел до них чей-то голос, и напряжение, ощущавшееся до этого момента почти физически, мгновенно спало. Довольно усмехнувшись, Герех уселся на бухту каната, уложенную возле мачты, и демонстративно сложил руки на груди, давая понять, что до тех пор, пока не будет выполнено его распоряжение, он никуда уходить не собирается.

Лицо Хорива разом погрузнело и вытянулось. Тяжело вздохнув, он нехотя подобрал злополучное ведро и потащился на поиски ветоши, на все лады кляня свою судьбу. Однако он успел заметить мимолетную улыбку на губах Камеса, соизволившего обратить внимание на их перепалку, и на душе мальчика немного потеплело. Как ни был неприступен наварх, но и к нему имелись кое-какие подходы, и Хорив с уверенностью подумал, что сумеет со временем найти их все.

– Парус на горизонте! – завопил впередсмотрящий так, что едва не свалился со своего насеста на ростре триаконтеры. Вокруг возбужденно загомонили, и даже рабы, навечно прикованные к веслам, приподнялись со своих мест, вытягивая худые жилистые шеи в тщетной попытке хоть что-нибудь рассмотреть. Но Герех не дал им такой возможности. Вскочив с каната, он громко крикнул, привлекая к себе внимание, и дал знак келевсту. Тот лишь кивнул – и поднес к губам свой сюринкс, выдув из него резкий переливчатый свист, вспоровший плавающий от жары воздух и вонзившийся прямо в мозг, как настигшая свою цель, дрожащая стрела. Гребцы, издав тихий протяжный стон, вновь расселись по лавкам и, протолкнув весла в бортовые отверстия, привычно напрягли свои спины. Триаконтера, словно пришпоренный аргмак, резко набрала ход и помчалась вперед, оставляя за кормой струю взвихренной пенной воды.

Выронив ведро из внезапно ослабевших пальцев и даже не заметив этого, Хорив бросился к борту и, навалившись на него животом, до рези в глазах вгляделся в простирившуюся перед ним туманную даль. Во рту у него внезапно пересохло, а его сердце колотилось как бешенное, словно птица, во что бы то ни стало вознамерившаяся разбить запершую ее клетку – или разбиться сама. Умом он понимал, что это безнадежно, что никогда уже не будут бороздить просторы морей синие, как грудь зимородка, корабли Трои, которые уже десять лет назад, в самом начале войны, были либо потоплены ахейцами, либо захвачены ими и перекрашены в цвет воронова крыла. Однако душа его требовала чуда – и ждала его несмотря ни на что.

Наконец он увидел то, что так напряженно искал в течение нескольких бесконечных мгновений, и его сердце разочарованно упало. Парус, горделиво вздымавшийся над винными волнами Миртойского моря, был явно черный, как и гептера, несшая его. Кеметийцы тоже рассмотрели это, и их лица мгновенно посуровели, а руки сами собой потянулись к поясам

за оружием. Они не забыли, что учинили над ними ахейцы под стенами обреченной Трои, и в их сердцах вспыхнул всепожирающий огонь близкого, хотя и запоздалого отмщения. Моряки с надеждой повернулись к Камесу, ожидая приказа, и наварх не разочаровал их.

– В атаку! – хрипло крикнул он, и грозный рев пяти десятков луженых глоток был ему ответом. Свистки сюринкса стали чаще и резче, набирая темп, и воздух огласился громким натужным дыханием гребцов, рвущих свои жилы в этой гонке.

На гептере их тоже заметили, однако отнеслись к этому удивительно равнодушно. Во всяком случае, там не было видно обычной в таких случаях суеты, все семь рядов весел остались втянутыми внутрь корпуса. Судно не попыталось даже изменить свой курс, чтобы избежать губельного для себя столкновения. Казалось, команде гептеры было просто наплевать на них, как занятому своими делами марабу наплевать на выходки не в меру нахального воробья. Озадаченный таким странным поведением, Хорив напряг зрение до предела, благо разделявшее корабли расстояние быстро сокращалось, и с великим трудом разглядел на парусе гептеры эмблему, похожую на лаброс Фокия. А через секунду это же разглядел и впередсмотрящий, заоравший что было мочи:

– Менесы! Это менесы!

Герех, ожидавший начала схватки как поцелуя возлюбленной, в сердцах плюнул и махнул рукой келевсту, разрешая тому сбавить задаваемый им темп. Гребцы, с которых за эти несколько минут успело сойти семь потов, облегченно вздохнули, с удовольствием принимая куда более медленный ритм работы. Герех, яростно сверкнув на них выкаченным глазом, что-то зло пробурчал сквозь стиснутые зубы и подошел к стоявшему с забытым периплом в руках Камесу.

– Что будем делать, наварх? – спросил нумидиец, не сводя тяжелого взгляда с приближающегося корабля.

– Говорить, – холодно улыбнулся Камес. – Менесы всегда в курсе последних событий, а это именно то, что нам сейчас нужно, чтобы по незнанию не сунуть голову прямо в петлю.

Гептера с лабросом – знаком царей-миносов острова Крит – на парусе подходила все ближе. И с каждым пройденным ею плетром Хорив все отчетливее осознавал, насколько грандиозен был встреченный ими корабль. Триаконтера кеметийцев по сравнению с ним казалась рыбой-прилипалой под плавником тигровой акулы, способной одним движением челюстей откусить человеку ногу, или тем самым воробьем, скачущим у ног слона, даже не подозревающего о его существовании.

– И вы хотели воевать с ЭТИМ? – ни к кому конкретно не обращаясь, прошептал себе под нос мальчик. Однако его услышали. Находившийся поблизости моряк обернулся к нему и, сверкнув белозубой улыбкой – результат ежедневного полоскания рта натроном, применявшимся всеми роме без исключения, – сказал:

– Это торговый корабль. На нем нет воинов, только небольшой отряд гетайров – телохранителей, а с ними мы справились бы в два счета.

– Тогда почему вы передумали? – посмотрел на разговорчивого моряка Хорив. Тот пожал плечами.

– Менесы – жители острова Кефтиу, или Крита, как его называют ахиявва. Они безраздельно правят в этом уголке Ойкумены уже без малого две тысячи лет, с тех самых пор, как их первый царь – минос Дзеус – объединил под своей властью племена корибантов и куретов. При их поддержке он восстал против своего отца Кроноса, которому подчинялись тогда все страны от полуночного Аркта до златообильного Пунта, и сверг его. Сын Дзеуса Техути, прозванный в последствии Менесом Триждывеличайшим, после победы отца получил в наследство землю Ливии, где заложил основы Кемета. От Техути и ведут свой род все пер-оа, какие только правили Кеметом от самого Зеп Тепи – Первого Времени, и которые будут править им до скончания веков. С тех пор мы стали независимы от миносов Кефтиу, но их власть от этого

не уменьшилась, и она по-прежнему подобна ветру, солнцу и морю. А кто же станет воевать с ветром, или с солнцем, или с морем?

– Только безумец, – тихо ответил Хорив, начиная понимать.

– Вот именно, – рассмеялся моряк. Затем, быстро оглядевшись, заговорщески понизил голос и сказал: – А наш наварх кто угодно, только не сумасшедший. Те же, кто считал иначе, стали теперь хозяевами своего Ка, но это вряд ли доставило им хоть какое-то удовольствие. Запомни это, парень, и никогда не совершай их ошибки.

– П... постараюсь, – нервно сглотнул Хорив и бросил быстрый взгляд на Камеса, о чем-то тихо разговаривавшего с Герехом. Внезапно глаза мальчика распахнулись во всю их ширь, и он снова повернулся к моряку, наблюдавшему за ним с веселой усмешкой.

– Подожди... – не в силах выразить только что пришедшую ему в голову мысль, Хорив потер лоб ладонью, пытаясь сосредоточиться. – Когда ты говорил о миносе Дзеусе, ты ведь не имел в виду... Зевса?!

Моряк кивнул, не переставая ухмыляться. Хорив растерянно развел руками.

– Но... он же бог!

– Вы – я говорю не столько о тебе, сколько о всем твоём народе, – сущие дети, поскольку не помните собственного прошлого, предпочитая заменять его на вами же самими придуманные мифы. А бог... Что ж, любой человек может стать богом, если он будет этого достоин. Главное – стремиться к этому всей душой и никогда не отступать, добиваясь своего во что бы то ни стало. И если тебе это удастся, память человеческая доделает уже все остальное, вознеся тебя на любой Феникунт, какой ты только пожелаешь.

– Неужели все так просто? – недоверчиво нахмурился Хорив.

– Просто? – переспросил моряк и неожиданно посерьезнел. – А ты попробуй удержать в руке молнию, тогда и узнаешь, легко ли быть богом.

Хорив смущенно потупился, готовый провалиться сквозь палубу, только чтобы не видеть неодобрительного, сверлящего взгляда этого странного человека. Однако моряк вдруг снова улыбнулся и от души хлопнул мальчика по плечу, едва не свалив его с ног.

– Не переживай, парень! В конце концов, я тоже не сразу понял это, так что мы с тобой бараны из одного крааля.

И, что-то насвистывая себе под нос, он неспешно двинулся куда-то по своим делам, оставив совершенно сбитого с толка Хорива изумленно хлопать глазами.

– Сушить весла по правому борту! – вырывая мальчика из этого транса, зычно гаркнул келевст, опуская свой сюринкс. Вздогнув, Хорив поднял голову – и ахнул, увидев всего в десяти-пятнадцати оргиях от себя вздымавшийся на недостижимую высоту фигурный ростр гептеры в виде Посейдона с занесенным для удара тринаксом. Гневно вытаращенные глаза божества смотрели, казалось, прямо на мальчика, проникая в самую потаенную часть его души и заставляя его чувствовать себя букашкой, ползающей под стопой гиганта. Ощувив в своей руке чью-то ладонь, Хорив с трудом оторвал взгляд от этой внушающей безотчетный ужас своими размерами и мощью фигуры и, оглянувшись, встретился с бездонными, как небо, и такими же голубыми глазами Фарики, смотревшими на него с доверием, от которого щемило сердце.

– Нас убьют? – тихо спросила она, дрожа всем телом.

– Нет, – ответил Хорив, через силу улыбнувшись, и покрепче сжал ее руку. Но, помолчав, в полголоса, чтобы девочка не услышала, добавил: – По крайней мере, не сейчас.

И его глаза вновь устремились навстречу деревянному Посейдону, надвигавшемуся на них с неотвратимостью Рока.

Глава 4

Корабли соприкоснулись с громким стуком и скрежетом и остановились, покачиваясь, друг подле друга. С гептеры, возвышавшейся над триаконтерой словно крепостная стена, прямо на палубу кеметийского судна сбросили толстый канат с завязанными на нем узлами, приглашая на переговоры. Герех с тревогой оглянулся на Камеса и решительно заявил:

– Я иду с тобой.

– Нет, – покачал головой наварх, не удостоив его даже взглядом. – Ты останешься, геквет, чтобы было кому привести корабль и людей домой, в Кемет. Со мной пойдет Ипувер; он даст вам знать, если мы попадем в ловушку.

Герех нахмурился, несогласный с таким решением. Но промолчал, глядя на неподвижный профиль Камеса, словно отлитый из бронзы. А тот лишь коротко кивнул на прощание и направился к лениво покачивающемуся на ветру канату, по пути приказав келевсту следовать за собой.

Их путь – всего несколько шагов – проходил в таком тягостном и напряженном молчании, что показался Камесу бесконечным. Это было похоже на шествие осужденных на казнь, и наварх ощутил нервный озноб, словно ему за шиворот насыпали колотого льда. Раздраженно тряхнув головой, он остановился так резко, что Ипувер, топавший за ним следом, сжимая в побелевших от едва сдерживаемого волнения пальцах свой неразлучный сюринкс, чуть не врезался ему в спину.

– А ведь мы упустили из вида самое главное, – словно только что вспомнив об этом, сказал наварх.

– Что именно? – непонимающе уставился на него Ипувер. Камес усмехнулся.

– То, что мальчишке и на этот раз удалось отвертеться от задания Гереха, а значит, он снова выиграл.

– Клянусь яйцом Гоготуна, а ведь так оно и есть! – воскликнул пораженный этой мыслью келевст. Секунду они молча смотрели друг на друга, а потом взорвались дружным хохотом, глуша им бьющуюся в их сердцах тревогу. И полезли наверх, оставив все мрачные раздумья на палубе своего корабля.

Борт гептеры, плотно сшитый деревянными гвоздями и дорогими бронзовыми скобами, отвесно уходил прямо в небо, зияя многочисленными, в семь рядов, отверстиями для весел. Сквозь них в густом полумраке было видно шевеление множества бледных, отвыкших от солнечного света и вольного воздуха обнаженных тел: пожизненно прикованных к скамьям рабов, покрытых толстой коркой грязи и нечистот. Окутывавшее их густое, стойкое зловоние вырывалось через эти отверстия и наотмашь било в нос Камесу всякий раз, как он к ним приближался. Брезгливо поморщившись, наварх добрался, наконец, до планшира и, спрыгнув на палубу, стремительно обернулся, словно ожидал удара в спину. За ним, отстав лишь на секунду, встал Ипувер, держа наготове сюринкс и хмуро озираясь по сторонам. Однако нападать на них пока никто не собирался. На палубе в ожидании гостей стояли двое, и наварху не нужно было объяснять, кто из них кто. Один – могучего телосложения неулыбчивый мужчина, заросший буйной черной, как смоль, бородой по самые глаза, горевшие голодным волчьим блеском, – явно был гетериархом, отвечающим за безопасность пассажиров и грузов на этом корабле. Второй же... Камес посмотрел на него повнимательней и понял, что не ошибся. Надменное выражение на его мясистом, гладко выбритом по кеметийской моде лице и горделивая осанка, на которую ничуть не влияли маленький рост этого человека и его весьма объемистый живот, выпиравший сквозь многочисленные складки дорогого хитона, сразу выдавали в нем евпатрида, с рождения привыкшего повелевать. А его взгляд, в котором читались острый ум прирожденного стратега

и хитрость, достойная Автолика, заставил Камеса подумать, что это, возможно, самый опасный противник из всех, встреченных им когда-либо.

– Добро пожаловать на мой корабль, – низко, но с достоинством поклонившись, на чистейшем кеми, которому позавидовали бы образованнейшие жрецы из Хет-Бенбена в Инну, сказал коротышка, подтверждая выводы наварха. – Я Мидактрис Алоад, проксен мудрейшего и милостивейшего миноса Бромия Бротолойгоса, да правит он миллион лет.

Камес поклонился в ответ, скрестив руки перед грудью. Однако Ипувер и гетериарх гептеры не шелохнулись, сверля друг друга пристальными взглядами: пока не был ясен статус гостей, ни тот, ни другой расслабляться не собирались. Не обращая на них внимания, Мидактрис сделал приглашающий жест и учтиво произнес:

– Прошу вас разделить со мной скромную трапезу, ниспосланную мне богами, дабы могли мы в покое и уюте обсудить дела, нас интересующие.

И, величаво развернувшись, в развалку двинулся впереди них, показывая дорогу.

Он привел их к большому дому, воздвигнутого из досок прямо на палубе гептеры возле ее мачты. Откинув тяжелый фессалийский ковер, заменявший двери, Мидактрис посторонился, пропуская гостей вперед. Ипувер, все еще не избавившийся от своих подозрений, с сомнением воззрившись в открывшийся проем, словно ожидал, что в любую секунду на него оттуда бросится леопард. Камес, сам чувствовавший себя не в своей тарелке, сделал келевсту знак остаться на страже, и только заметив ответный кивок, прошел внутрь. Мидактрис, все прекрасно понявший, не подал, однако, и вида, с бесстрастным выражением на своем лоснящемся холемом лице последовав за навархом. Гетериарха, как заметил Камес, внутрь тоже не пригласили, то ли сочтя его недостойным столь высокого общества, то ли не доверяя пришельцам в не меньшей степени, чем они – им. И это обстоятельство странным образом успокоило наварха, придав ему уверенности. Ведь если ему не доверяли, значит, боялись и, значит, не были так убеждены в собственных силах, как хотели показать. С удобством расположившись на лежаке, стоявшем у невысокого столика красного дерева, инкрустированного слоновой костью и золотом, Камес уже без всякого напряжения улыбнулся хозяину, начиная получать даже некоторое удовольствие от происходящего. Улыбнувшись в ответ, проксен хлопнул в ладоши, давая знак рабам подавать обед, и, опустившись на лежак напротив, с нескрываемым интересом посмотрел на роме.

– Так чем же моя скромная персона может быть полезна достойным сынам могучего Кемета?

Камес вздохнул. Еще на палубе, бросив на Мидактриса первый взгляд, он понял, что вытянуть из подобного человека нужные сведения, ничего не предложив взамен, он сможет только калеными щипцами палача, да и это не дало бы полной уверенности. Так что у него оставался единственный способ – рассказать всю правду, ничего не утаивая. И наварх, решившись, начал рассказывать, стараясь не думать о том, чем ему грозила такая откровенность, если он все-таки ошибся.

Проксен оказался идеальным слушателем. Он ни разу не перебил Камеса, лишь бросал необходимые реплики в нужных местах, чтобы подбодрить оратора и побудить его не останавливаться. И Камес замолчал, лишь выложив все, что имел в своем запасе, чувствуя себя, как вычерпанный до дна пифос.

– Что ж, наварх, – задумчиво произнес Мидактрис и не глядя протянул свой опустевший ритон рабу, безмолвно стоявшему за его спиной с канфаром наготове. Отхлебнув густого и терпкого прамнейского вина, проксен не спеша покатал его на языке, жмурясь от удовольствия, как сытый храмовый кот. Камес не торопил его, догадываясь, что тот сейчас тщательно обдумывает полученную информацию, и с бесстрастным, почти равнодушным выражением лица потянулся за своей чашей. Прамнейское красное действительно оказалось весьма отмен-

ным и стоило того, чтобы уделить ему максимум внимания. Чем наварх и занялся, не показывая, насколько гнетет его возникшая пауза.

– Что ж, – повторил, наконец, проксен, со стуком опуская ритон на стол. – Ты был со мной откровенен, Камес, сын Нармера, и я отвечу тебе тем же. Хотя должен признать, в последние годы, особенно после разгрома «народов моря», отношения между нашими царствами оставляют желать лучшего. Слишком уж независимым почувствовал себя твой Кемет, забыв о своих корнях, слишком большие претензии стал он предъявлять на Море Средь Земель, что являлось безраздельной вотчиной Крита испокон веков. А посему многие у нас могут решить, что гибель твоего флота стала закономерной карой богов Кемету за гордыню и спесь, и немало горячих голов захотят закрепить достигнутое не ими.

– Мы готовы к этому, – играя желваками, мрачно процедил Камес.

– Я знаю, – спокойно кивнул Мидактрис, вновь подымая ритон. – Как, впрочем, знаю и то, что Крит, увы, перестал уже быть той силой, перед которой трепетали все народы от долины Бетиса на западе до Благодатного Полумесяца на востоке, от Понта Эвксинского на севере до царства Куш на юге. Наступает новая эпоха, и нам в ней, боюсь, может и не найтись места.

Проксен сделал большой глоток, словно в кубке у него была обычная вода, и Камес с удивлением заметил, что пальцы у Мидактриса немного дрожат.

– Вот так нынче обстоят дела, наварх, – вздохнул тот, и на мгновение его маска искусственного политика и дипломата дала трещину, открыв взору Камеса обыкновенного немолодого человека, уставшего от груза бесконечных забот и непомерной ответственности. Однако Мидактрис тут же взял себя в руки, и привычная вежливая улыбка вновь вернулась на его лицо, смывая следы предательской слабости.

Камес, почуявший, что за этой внезапной сменой настроения скрывается нечто очень важное, насторожился, как гончая, взявшая след добычи.

– Я вижу, неприятности переступили порог не только моего дома, – проникновенно сказал он, чуть подавшись вперед. Мидактрис бросил на него быстрый взгляд, в котором наварху почудился странный и не вполне уместный веселый блеск, и вяло махнул рукой.

– Таково уж их свойство: являться сразу во множестве мест одновременно, и не имеет значения, хижина ли это бедняка-геомора или дворец сиятельного миноса. Даже боги, как говорят, не в силах избежать встречи с этими посланцами Ананке – неотвратимости.

– Ариадна? – пронзенный внезапной догадкой, спросил Камес, широко распахнув глаза. Проксен печально кивнул, и на этот раз в нем не было и намека на игру.

– Мрачная тень Левкады затмила ей дневной свет, и манящий аромат асфодела уже коснулся ее ноздрей. Три дня назад, когда наступило некоторое облегчение, она приказала привезти к ней ее сестру Федру – проститься. Хотя я сомневаюсь, что архонт-эпоним Афин Тезей, муж Федры, примет это приглашение после того, как бросил Ариадну на Наксосе спящей, предпочтя ей ее младшую сестру.

– А как на это смотрит ваш минос?

– Бромий? – уточнил Мидактрис и почесал себе бровь в явном затруднении. – Видишь ли, по нашим законам только мужчина может быть миносом, а Ариадна, как ты понимаешь, этому требованию немного не соответствует. Однако после предательства Тезея она так и не вышла замуж, и трон Крита остался свободен. Чтобы избежать кривотолков, жрецы и придумали эту хитрость, тем более, что Ариадна в каком-то смысле все же обручилась с Дионисом, находя утешение в вине. К сожалению, этот «брак» не дал царице главного – наследников, и страшно представить, что начнется на Крите после ее смерти. А я, подчиняясь высочайшему повелению, вынужден покинуть родину в столь тяжелый и важный для нее час!

– Да, это трудно, – сочувственно вздохнул Камес. Мидактрис раздраженно дернул щекой.

– Не в этом дело. Грядет смена власти, а в такой момент только ленивый не попытается урвать себе кусок пожирнее. Да и подсидеть неугодного тоже. А чем дальше от трона ты ока-

жешься в это время, тем больше вероятность, что там ты и останешься. Если, конечно, не случится чего-нибудь похуже опалы.

Камес, сам царедворец, прекрасно осознавал значение интриг и таящуюся в них угрозу. Однако он счел нужным заметить:

– У меня сложилось впечатление, что у такого дальновидного и осторожного человека, как ты, врагов быть просто не должно. Неужели я ошибся?

– Невозможно прожить жизнь, не наступив на чью-нибудь мозоль, особенно если ты находишься наверху. К сожалению, есть много людей, которых весьма порадовало бы мое падение, и еще больше таких, кто заботливо подтолкнул бы меня для этого в спину. Теперь, когда меня нет в Фесте, они получили полную свободу действий, и что меня ждет по возвращении, ведают только боги.

– Возможно, ты успеешь вернуться прежде, чем случится непоправимое, – попытался утешить его наварх.

– На это я не поставил бы и лепты, – вздохнул Мидактрис.

– Неужели Ариадна так плоха?

– Главный жрец не покидает ее покоев, днюя и ночуя у ее одра, а в приделе для слуг пятьдесят теоров в голубых гиматиях ожидают того часа, когда душа Ариадны отправится в дальний путь без возврата по ледяным водам Ахерона, чтобы оповестить всех этеокритян о кончине их повелительницы. И я не уверен, что этого еще не произошло.

– Кто же представляет сейчас власть на Кефтиу?

– За порядком следит хилярх Иапиг, хотя удается ему это с большим трудом. Слишком уж много претендентов на трон Быка съехалось сейчас в Фест, и все они грызутся между собой, как свора голодных псов, почуявших запах крови. Едва ли не каждый второй из гипархов и каждый третий из родовых евпатридов уже успел объявить себя диадохом, похваляясь своим кровным родством с отцом Ариадны миносом Ахелоем, павшим в неравной схватке с войском царя сикулов на Тринакрии, где укрылся нечестивец Дедал. А один – представь себе! – во всеуслышанье заявил, что он – сын самого Минотавра, а значит, прямой внук Ахелоя. Парень, как видно, полный идиот, иначе бы знал, что Ахелой не имел ни малейшего отношения к рождению этого букефала. И словно всего этого не достаточно, на Крит со всех концов, как стая стервятников на падаль, слетелись епископы: и из Стронгеле, давно пытающегося подмять под себя всю минойскую державу, и из Карики, точащей зубы на наши морские владения, и из Кемета, кстати, тоже.

Сердце Камеса ёкнуло.

– Из Кемета? – переспросил он внезапно охрипшим голосом. – А кто?

– Ты его наверняка знаешь, – небрежно махнул рукой Мидактрис. – Он из хабирру, хотя и занимает пост первого полемарха в войске вашего пер-оа. Его имя...

– Месу, – выдохнул наварх, чувствуя, как губы его сами собой растягиваются в счастливой улыбке. О такой удаче он не смел даже мечтать, после всего с ним случившегося разувшись в благосклонности к нему богов. Месу, полемарх корпуса Птаха кеметийской армии и первый помощник – джати – самого пер-оа Мернептаха, был как никто другой осведомлен обо всем происходящем в Та-Кемете, и заручиться его поддержкой означало для Камеса отсрочку неминуемого смертного приговора, а при благоприятном стечении обстоятельств и полную его отмену. И то, что этот человек, своим умом и храбростью заслуживший безграничное доверие пер-оа и сумевший из простого раба стать вторым лицом в государстве, оказался в нужное время в нужном месте, было знаком Камесу, что Небо к нему все-таки не равнодушно. И наварх, не переставая улыбаться, низко поклонился наблюдавшему за ним Мидактрису, благодаря за хорошие вести. И снова в устремленных на него глазах проксена кеметийцу померещились искорки веселья, словно тот, ведя разговор, заранее знал о его результате и теперь получал искреннее удовольствие от того, что не ошибся в своих расчетах.

– Да благословят тебя боги за щедрое угощение и приятную беседу, – еще раз поклонился Камес, вставая.

– Пустое. Я рад, что смог хоть чем-то быть тебе полезен, несмотря на мои весьма скудные силы и разум, – кивнул в ответ Мидактрис и тоже встал, взмахом руки отвергнув помощь бросившегося к нему раба. Откинув ковер, они вышли на палубу, где их ждали гетериарх гептеры и келевст. Эти двое явно тоже не теряли времени даром: наметанный глаз наварха сразу заметил не слишком тщательно укрытый за мачтой канфар, а в поднятых руках Ипувера его сюринкс, из которого келевст мог извлекать не только пронзительный свист, не дававший гребцам сбиться с ритма в любую бурю, но и нежные, трогательные за душу и сердце мелодии. Отзвуки одной из них, как показалось Камесу, все еще плавали в воздухе, постепенно тая в туманной дали. Однако сейчас, когда на них смотрели их начальники, гетериарх с келевстом мгновенно восстановили разделявшую их дистанцию, меряя друг друга пристальными, полными подозрений взглядами.

– Нам пора, – сказал Ипуверу Камес и, повернувшись к Мидактрису, с чистым сердцем протянул ему раскрытую ладонь. – Удачи тебе, и пусть боги хранят тебя и твой корабль на вашем пути.

– И тебе удачи, наварх, – ответил проксен, без тени сомнений приняв предложенную руку. – Она тебе сейчас просто необходима. Как воздух.

И Камес был с ним в этом полностью согласен.

... – Как все прошло? – нетерпеливо спросил у него Герех, едва ноги наварха коснулись палубы триаконтеры.

– Замечательно, – сказал, почти не покривив душой, Камес, следя за тем, как гептера, подобрав канат, с тяжеловесной грацией отчалила от борта их корабля и устремилась в открытое море, постепенно набирая скорость.

– Ты узнал, что хотел? – не отставал геквет, истомившийся от долгого ожидания, и теперь буквально сгоравший от любопытства. Не выдержав, наварх легко, от души рассмеялся и что было сил хлопнул удивленно моргнувшего нумидийца по плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.